

Гальперин М. С.
M. S. Galperin

БЮРОКРАТИЯ И ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» В КИТАЕ (1862 – 1894 гг.)

BUREAUCRACY AND “SELF-STRENGTHENING” POLICY IN CHINA (1862 – 1864)

Гальперин Михаил Самойлович – кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, проспект Первостроителей, д. 20, кв. 269; (84217) 537-727. E-mail: Mgalperin@list.ru

Mr. Mikhail S. Galperin – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-culture Communications, Komsomolsk-on-Amure State Technical University, (Komsomolsk-na-Amure, Russia), 681021, Komsomolsk-na-Amure, 20 Pervostroiteley Pr., Apt. 269, phone: + 7 (84217) 537-727. E-mail: Mgalperin@list.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается период в истории Китая, связанный с попыткой проведения преобразований, направленных на преодоление экономической и военной отсталости некогда могучей цинской империи. Цель – возродить сильный Китай, способный противостоять развернувшейся экспансии западных держав, которая грозила неизбежным разрушением традиционных государственных устоев и превращением Китая в колониальные владения ведущих европейских держав. Этот период вошел в историю Китая как политика «самоусиления». В центре внимания – позиция видных представителей феодально-бюрократического аппарата по вопросу о характере, средствах и методах модернизации страны в период между «опиумными» войнами и японо-китайской войной, поражение Китая в которой свидетельствовало о провале политики «самоусиления».

Summary: The paper considers the period of China history, when attempts were made to overcome the economic and military backwardness of the formerly mighty Qing Empire. The main goal of it was to revive the strong China capable of resisting the ever increasing expansion of Western powers that threatened the traditional foundations of Chinese state with inevitable destruction as well as the with transformation of China into a colonial possession of leading European countries. This period went down into China's history as the so-called "self-strengthening" policy. The foundation of the policy was the position of prominent feudal-bureaucratic actors concerning the nature, goals and methods of modernization of the country during the period between "opium wars" and the Japanese-Chinese War, China's defeat in which became the evidence of the failure of the "self-strengthening" policy.

Ключевые слова: «опиумные» войны, модернизация, «самоусиление», феодально-бюрократический аппарат, региональные группировки, Ли Хунчжан, политические реформы.

Key-words: Opium wars, modernization, "self-strengthening", feudal-bureaucratic apparatus, regional groupings, Li Hongzhan, political reforms.

УДК 94(510).08

В отличие от проектов построения нового общества, которые выдвигали руководители восстания тайпинов и которые остались только в мечтах и на бумаге, цинская правительственная программа модернизации на базе синтеза «своего» и «чужого» обрела в дальнейшем реальность в политике и практике «самоусиления» (*цзыцян*) и «усвоения заморских дел» (*янгу*) (1862 – 1894).

В политике «самоусиления», которая охватывает период от начала 60-х гг. XIX в. до японо-китайской войны 1894 – 1895 гг., прослеживаются, в целом, три крупных периода:

Гальперин М. С.

БЮРОКРАТИЯ И ПОЛИТИКА «САМОУСИЛЕНИЯ» В КИТАЕ (1862 – 1894 ГГ.)

1860 – 1870 гг., когда основное внимание правящих кругов империи было направлено на быстрое подавление крестьянских войн тайпинов и няньцзюней и восстаний неханьских народов империи; 1870 – 1885 гг., когда развернулась борьба за влияние на цинское правительство между хуайской и сянской китайскими феодально-помещичьими кликами, начавшими заниматься предпринимательской деятельностью, и 1885 – 1894 гг., когда после поражения в войне с Францией усилилась группировка Ли Хунчжана. Впоследствии, как известно, катастрофическое поражение китайских войск и флота в войне с молодой, активно наращивающей темпы модернизации Японией привело к полному провалу политики «самоусиления», а Ли Хунчжан был отстранен от занимаемых им постов.

Из опыта двух «опиумных войн» (1840 – 1842 и 1856 – 1864 гг.), также совместных с английскими и французскими войсками военных действий против тайпинов правящие круги цинской империи вынесли твердое убеждение в превосходстве военной техники Запада над отсталым, средневековым вооружением маньчжуро-китайских войск. Они также пришли к выводу, что в условиях происходившей в стране гражданской войны союз с западными державами – Англией, Францией и США – благоприятствует их основной задаче – подавлению восставшего народа. Поэтому одним из последствий второй «опиумной войны» было усиление в цинском правительстве сторонников усвоения «варварских», или «заморских», дел («иу» или «янью»). Их в первую очередь интересовала технология производства западного стрелкового оружия и артиллерии, паровых судов, боеприпасов, т. е. того, что, по их мнению, обеспечило в свое время Англии и Франции победу над Китаем в «опиумных войнах». Ради достижения этой цели они готовы были пойти на некоторое изменение традиционной политики глухой изоляции Китая от внешнего мира, на установление дипломатических сношений с иностранными государствами, а также внести известные изменения и в систему государственно-административного управления империей, вызванные необходимостью поддержания контактов с представителями иностранных держав и контроля над иностранной торговлей.

Доктрина «янью» – о необходимости для цинского Китая заимствовать и усвоить военно-технические достижения заморских стран – стала своеобразной *идеологической платформой* политики «самоусиления» правящих кругов цинской империи. На основе этой доктрины проводились определенные, хотя и не всегда доводимые до конца, реформы в области административного управления, организации и вооружения армии и флота, просвещения, финансов, транспорта и связи. При этом на первый план выдвигались соображения об укреплении цинского режима в целях борьбы с народными выступлениями. Кроме того, проведение тех или иных реформ было тесно связано – это также является традиционным для Китая – с борьбой отдельных региональных группировок китайских феодалов за влияние в правительстве. После подписания Пекинских конвенций 1860 г. среди наиболее видных представителей группы цинских сановников при дворе, придерживавшихся доктрины усвоения «заморских» дел, были великий князь Гун, его тесть – член императорского секретариата маньчжур Гуй Лян, член военного совета маньчжур Вэнь Сян. Из видных китайских сановников в провинциях эти взгляды разделяли императорский наместник Цзэн Гофань, фактический главнокомандующий операциями против тайпинов в бассейне Янцзы, руководитель анхойской (хуайской) группировки Ли Хунчжан, видный представитель хунаньской клики Цзо Цзунтан и др.

В целом, нужно отметить, что доктрина о необходимости усвоения правящими кругами цинской империи «заморских» дел встречала, однако, сильное сопротивление ультраконсервативных кругов, ярых противников любых заимствований из-за границы, видевших даже в технических новшествах Запада угрозу патриархальным порядкам, «измену» заветам пред-

ков, угрозу маньчжурскому господству в Китае. Суммируя позицию представителей различных сил, китайские историки, занимающиеся проблемами политики «самоусиления», выделяют несколько групп в правящем лагере по их отношению к самой идее серьезных преобразований. «Все принимавшие в обсуждении (вопроса о строительстве береговой обороны – М. Г.) бюрократы выражали одобрение выдвинутому Цзунли ямэнем [лозунгу] “энергично добиваться самоусиления”. Конкретизация того, каким образом [добиваться] самоусиления сразу же вызвала разногласия» [5, 67]. Позиция двора и ведущих сановников проявилась в подходах к стратегии преобразований, провозглашаемых представителями трех основных группировок.

Позиция первой группы была предельно ясна. «Одни по-прежнему придерживались традиционных представлений ... т.е. выступать против изменения любого старого и выступать против обучения любому новому Западу, и все цеплялись за старое». Они признавали – особенно, после двух опиумных войн, – что необходимы серьезные изменения, но все же «делали акцент на соблюдении строя предков и самоусиления *“с помощью старых (/древних – М. Г.) законов”*» (здесь и далее курсив наш – М. Г.) [5, 67].

Взгляды представителей второй и третьей фракции, при наличии некоторых расхождений, в общем совпадали. «Другие всемерно противились изменению любого старого, а выступали только за закупку оборудования для производства вооружений, строительство предприятий по производству текстильного оборудования, разработку железорудных и угольных копей, осуществление паровозного, телеграфного и железнодорожного сообщения, за немедленное развитие современных гражданских (т. е. для народа – М. Г.) предприятий». Представители этой группы составляли большинство. «Третьи, в этом случае, выступали как раз за систему закупок западных судов и пушек и были согласны, в ограниченной степени, на ввоз западных машин, на создание современных гражданских предприятий». Эта часть чиновников, в основном, принадлежала к группировке «усвоения заморских дел» (*янью*). Взгляды второй и третьей группы объединялись «на основе сохранения в целостности старого, и их позицию можно назвать *“самоусиление заимствуя законы”*» [5, 67 – 68].

Одним из видных защитников доктрины о необходимости заимствования западных технических и военных новшеств выступал также крупный шэньши из Сучжоу Фэн Гуйфэн (1809 – 1874 гг.), активный участник борьбы с тайпинами, советник и доверенное лицо Ли Хунчжана. При этом он считал неотложно необходимым укрепить идеологическое воздействие класса феодалов на народ, активизировать пропаганду конфуцианских порядков, а из западных наук перенимать лишь те прикладные дисциплины, которые, по его мнению, увеличивали силу и могущество стран Запада. Укрепление конфуцианской идеологии, по мнению Фэн Гуйфэня, должно было основываться на выдвижении талантливых людей на государственную службу, пресечении бездеятельности и коррупции чиновничества. Он также предлагал упорядочить систему государственных экзаменов на право занятия чиновничьих и офицерских должностей, ввести в школах преподавание иностранных языков и математики. В то же время Фэн Гуйфэн подчеркивал морально-этическое превосходство китайцев над иностранцами, с позиций феодального шовинизма рассматривал все прочие народы как «варваров». «Китайская наука составляет основу, а западная носит лишь сугубо прикладной характер», – указывал Фэн Гуйфэн и призывал опираться «на собственные силы». Фэн Гуйфэн выступал идеологом китайских феодально-милитаристских клик, стремившихся наряду с подавлением восставшего крестьянства к достижению известной степени независимости от маньчжурского правительства [3, 209].

Таким образом, можно сказать, что предпосылками проведения политики «самоусиления» являлись как внешние причины – т.е. перевооружение армии на западный манер с целью защитить Китай от внешней угрозы, так и внутренние – необходимость борьбы с

внутренними мятежниками в целях укрепления позиций правящей верхушки. Следует также отметить при этом, что основной представляется вторая причина.

В результате поражения Китая во второй «опиумной войне» Англия и Франция навязали цинскому правительству обязательства, обеспечивавшие иностранному капиталу крайне выгодные условия для проникновения в страну. В то же время прекращение военных действий против иностранных интервентов позволило цинскому правительству перебросить все наличные войска на подавление крестьянских и национальных восстаний. Заинтересованность капиталистических держав в скорейшей стабилизации внутривосточного положения в Китае после того, как они вырвали у Цинов столь большие уступки, привела фактически к установлению военного союза маньчжуро-китайских феодалов с англо-французскими капиталистами против восставшего китайского народа.

В меморандуме, одобренном императором Сяньфэном 13 января 1861 г., великий князь Гун, Гун Лян и Вэнь Сян предложили создать в столице «Канцелярию по общему управлению делами различных стран» («Цзунли гэгэ шиу ямэнь», или сокращенно «Цзунли ямэнь»). По традиции меморандум был полон высокомерных высказываний по поводу иностранных государств, которых авторы иначе, как «варварскими» и «дикими», не называли, но в нем, в то же время, признавалось, что в данной ситуации цинскому правительству не оставалось ничего иного, как следовать древнему китайскому изречению: «Прибегай к миру и дружбе, когда обстоятельства вынуждают к этому, но считай войну и оборону своей основной политикой».

Хотя в тексте указанного меморандума еще не встречается столь популярное впоследствии слово «цзыцян» – «самоусиление», аналогичная мысль была выражена в нем словами: «самим планировать свое возрождение» («цзы ту чжэнь син»). В меморандуме о подготовке войск, который вскоре после этого был составлен великим князем Гуном, Гуй Ляном и Вэнь Сяном, прямо говорилось: «*фундаментальной политикой должно быть самоусиление; искусство же самоусиления в первую очередь заключается в подготовке войск*» (разрядка наша – М. Г.) [3, 213]. Авторы меморандума заявляли, что во имя «стремления к своему возрождению» следует приступить к быстрейшему подавлению восстаний тайпинов и няней, обучив армию современным приемам боя с применением иностранного оружия. «Если внутренние бедствия будут искоренены, то внешняя угроза сама собой исчезнет»,— утверждали они. Аналогичная трактовка политики «самоусиления» как средства для ликвидации внутреннего мятежа встречается и в других документах того периода [3, 155].

После ликвидации главной угрозы цинскому режиму – крестьянской войны тайпинов – в трактовке конкретного содержания политики «самоусиления» начинают появляться и некоторые новые нюансы (помимо общей направленности всей политики «самоусиления», в целом, на укрепление контроля цинского правительства над внутривосточным положением империи). Так, в 1865 г. Ли Хунчжан писал: «Сегодня производство машин является главным средством для обороны от врагов, основой самоусиления». Цзэн Гофань утверждал, что «путь к самоусилению страны заключается в строительстве современных судов». Цзо Цзунтан также считал судостроение «поворотным моментом для Китая, на основе которого можно бедную и слабую страну превратить в богатую и сильную», но вместе с тем, настаивал на том, что конфуцианское учение неизмеримо более важно для Китая, нежели техническое умение Запада [3, 214-215].

Одним из существенных компонентов политики «самоусиления» было строительство в Китае современных (по западным стандартам того времени) предприятий военной промышленности: арсеналов, судостроительных, пороховых и патронных заводов и т. д., призванных

снабжать китайские феодально-помещичьи армии пушками, ружьями и военными судами, необходимыми для подавления тайпинского и других антиправительственных восстаний. Так, в 1861 г. Цзэн Гофань создал первый современный военный арсенал в г. Аньцине, только что отбитом у тайпинов. В 1862 г. Ли Хунчжан основал в Шанхае арсенал, где изготавливались патроны и порох.

Цзо Цзунтан в 1864 г. основал судостроительную верфь в Ханчжоу. В 1866 г. он перевел ее в Мавэй, близ Фучжоу, где создал Управление по судостроению, руководившее при участии французских специалистов самой крупной по тем временам судостроительной верфью в Китае. Вслед за этим один за другим стали строиться арсеналы и механические заводы в Тяньцзине, Сиане, Гуанчжоу, Гирине, Ланьчжоу и Чэнду. Инициаторами их строительства и основными потребителями их продукции были руководители китайских региональных военно-феодальных группировок. Оружие, произведенное на этих предприятиях, а также закупленное за границей, сыграло немаловажную роль в подавлении крестьянских войн и антицинских выступлений неханьских народов империи. Кстати, забегая вперед, следует отметить, что арсеналы, созданные в свое время Ли Хунчжаном и Цзо Цзунтаном в Шанхае, Тяньцзине и Маньчжурии, продолжали и в XX в. служить главными центрами снабжения китайских вооруженных сил [2, 178-179].

Наряду с военными мерами, проводники политики «самоусиления» активно прибегали и к традиционным административным методам. Так, еще в ходе подавления тайпинского восстания они стали восстанавливать традиционную систему полицейского контроля над жителями умиротворенных районов – «бао цзя» (система круговой поруки).

Одновременно с созданием Цзунли ямыня в Пекине была открыта Школа иностранных языков – Тунвэньгуань, чтобы готовить в ней кадры чиновников для сношений с внешним миром. В школу принимались лишь юноши из семей, приписанных к «восьми знаменам». Учащиеся изучали английский, французский и русский языки под руководством преподавателей-иностранцев. 11 марта 1863 г. Ли Хунчжан составил меморандум с предложением об открытии в Шанхае и Гуанчжоу школ для изучения иностранных языков по образцу столичного Тунвэньгуаня.

Следующим новым шагом в области просвещения, который предприняли сторонники «самоусиления», стала посылка в 1872 – 1875 гг. 120 китайских юношей в США для обучения в американских учебных заведениях. В 1881 г. они, однако, были внезапно отозваны в Китай из-за опасений, что подпадут под полное влияние иностранной культуры и станут сомневаться в превосходстве китайской культуры над всеми прочими.

В 1880 г. в Гуанчжоу открылась школа западных наук. Учебные заведения нового типа, создававшиеся в Китае в 60–90-х гг. XIX в., готовили кадры для новых административных учреждений и предприятий, возникавших в рамках политики «самоусиления»: переводчиков и специалистов по иностранным делам и внешней торговле, судостроителей, штурманов, военных моряков, офицеров армии, телеграфистов, механиков, горных мастеров и медицинский персонал, обслуживавший армию и флот. Наряду с современными западными науками в этих школах одновременно преподавались и конфуцианские каноны. Социальный состав учащихся учебных заведений нового типа, вопреки стремлению цинского правительства ограничить подготовку нового вида кадров представителями преданной ему «восьмизнаменной» прослойки населения, по мере роста числа учебных заведений становился все более «разночинным» – в новые учебные заведения пошли учиться дети купцов, состоятельных ремесленников. Этот процесс привел к формированию в цинском Китае социальной прослойки научно-технической интеллигенции, распространению научных и отчасти политических теорий буржуазных стран Запада.

Одним из последствий второй «опиумной войны» был рост иностранной миссионерской деятельности в Китае. К 1860 г. в открытых портах Китая действовало около 200 миссионеров из 17 протестантских миссионерских организаций. За период с 1860 по 1867 гг. в Китае было создано 48 новых протестантских миссий. К 1866 г. в Китае находилось 233 католических миссионера. При учреждении своих церквей в китайских городах иностранные миссионеры прибегали к разного рода незаконным действиям, захватывая для своих нужд общественные здания и храмы. Такого рода деятельность миссионеров вызывала возмущение народных масс. Так, массовые выступления китайского населения против иностранных миссионеров происходили в 1862 г. в провинциях Цзянси и Хунань и были направлены против протестантских и католических миссий. Аналогичные антимиссионерские волнения произошли в те же годы на Тайване. В 1869 г. мощные антимиссионерские выступления состоялись также в других крупных провинциях страны. Как правило, в этих выступлениях активное участие принимали, наряду с трудящимися городов и сельским населением, шэньши, видевшие в распространении христианства непосредственную угрозу своему идеологическому контролю над населением, подрыв устоев конфуцианства. В основе антимиссионерских выступлений, однако, лежали отнюдь не религиозные причины: эти выступления отражали растущий протест китайского народа против всех видов агрессии западных держав по отношению к Китаю. Наиболее крупным антимиссионерским выступлением были события июня-июля 1870 г. в Тяньцзине. [3, 227-228]. Но эти антимиссионерские выступления не повлияли существенным образом на приток в Китай последующих поколений священнослужителей различного толка. Как отмечает в этой связи Р. Крюгер, «...Франция ... создавала в Китае католические миссии, и к концу столетия в них насчитывалось девятьсот священников». Кроме того, в это же время «...в Китае работали более трех тысяч протестантских миссионеров, девяносто процентов которых были американцами и англичанами...» [1, 404].

Тем не менее, проводники политики «самоусиления» видели в лице западных держав и их представителей в Китае своих союзников по борьбе с широкими китайскими народными массами. Этот союз, сложившийся еще в период совместного подавления тайпинского восстания маньчжуро-китайскими феодалами, не ослабевал в течение всех лет, пока у власти находились сторонники политики «самоусиления». При возникновении в Китае любого конфликта с иностранцами защитники политики «самоусиления» действовали вопреки национальным интересам Китая, стремясь сохранить их расположение, но при этом не отказываясь, однако, от традиционной доктрины «использования одних варваров для подчинения себе других» – «и и чжи и». Эта старая формула китайской дипломатической практики оставалась на вооружении правящих кругов для поддержания и разжигания противоречий между державами. Однако внешняя политика цинского правительства в период проведения им политики «самоусиления» являлась политикой уступок и компромиссов с западными державами.

Главная же причина поражения политики «самоусиления» заключалась в том, что она преследовала реакционную цель *искусственной консервации в неизменном виде общественных отношений в стране*. Эта политика не сопровождалась серьезными преобразованиями, которые могли бы получить поддержку со стороны народа, и, в конечном счете, подготовила последующий раздел страны на сферы влияния и зоны интересов иностранных держав. К тому же она столкнулась одновременно и с внутренними проблемами, с подъемом борьбы угнетенных национальных меньшинств, и с агрессивными действиями западных держав. Эта ситуация побудила наиболее дальновидных представителей феодальных правящих кругов совершать попытки проведения *отдельных верхушечных реформ*.

В этой связи представляет интерес личность самого Ли Хунчжана. Его деятельность и, особенно, убеждения обратили вновь на себя пристальное внимание китайских исследовате-

лей в конце 80-х гг., когда появился ряд публикаций, посвященных проблемам революции и реформы в истории Китая. Среди них следует упомянуть статью «Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы», к которой мы уже обращались выше, касаясь отношения ведущих представителей Цинской бюрократии к политике «самоусиления». Автор, Чжан Минцзю, высказывает ряд суждений, позволяющих, по его мнению, относиться к Ли Хунчжану, не только как к предприимчивому коммерсанту и беспринципному интригану при дворе, но и как к серьезному государственному деятелю, сыгравшему определенную роль в попытке проведения реформ не только в социально-экономической, но и в политической сфере. Обосновывая свой подход, он отмечает: «...Ранее исследования о Ли Хунчжане в большинстве своем оказывали предпочтение его практической деятельности в «усвоении заморских дел», но оставалось без внимания исследование его идеологической деятельности». Поэтому, считает автор, «нужно не только тщательно исследовать его практическую деятельность, но и следует ... выявить его идейные и практические расхождения, научно объяснить объективные и субъективные причины, породившие эти расхождения» [5, 65]. С этой точки зрения, фигура Ли Хунчжана приобретает некие зримые реформаторские черты, поскольку «у Ли Хунчжана, при сравнении с остальными бюрократами группировки «усвоения заморских дел», есть одна важная особенность, которая состоит в том, что его идеи реформы сформировались еще в 60-е гг. XIX в., и при обсуждении вопроса о строительстве береговой обороны им была выдвинута точка зрения в пользу реформ» [5, 65].

Ранее уже упоминались различия взглядов в лагере бюрократии по вопросу о методах осуществления политики «самоусиления», которые привели к оформлению их в три группы сторонников и противников. Чжан Минцзю, оценивая позицию «объединенной» группы сторонников, выделяет далее ряд чиновников с еще более прогрессивными, по его мнению, установками, группировавшихся вокруг Ли Хунчжана. «Среди чиновников, участвовавших в обсуждении... только четыре человека – Ли Хунчжан, Го Хаодао, Дин Жичан, Чэнь Баочжэн – одновременно с выступлением за ввоз западных кораблей и пушек, машин и механизмов, современных научных технологий, требовали неких реформ в отношении старого режима, и точку зрения этих четверых можно назвать «самоусиление изменяя законы» (курсив наш – М.Г.) [5, 66] Во главе этой группы стоял Ли Хунчжан, который, как уже было сказано, осмысливал идею реформ еще в 60-е гг. В качестве примера, подтверждающего это утверждение, китайский историк ссылается на следующие факты. Весной 1864 г. Ли Хунчжан выдвинул идею обращения к опыту реформы (*bianfa*) в Японии [5, 66]. Само представление о реформе, уже точно сформулированное Ли Хунчжаном, относится к 1870 г. «В августе этого года в письме к Дин Жичану он говорит: “В политике самоусиления следует заблаговременно изменить законы”» (курсив наш – М.Г.) [5, 68]. Если основываться на семантической многозначности китайской иероглифики, понятие «изменение закона» (*bianfa*) является, в определенной степени, синонимом другого понятия «изменение режима» (*bianzhi*). Поскольку же «самоусиление изменяя законы» не только предполагало расширение связей с Западом, но и проведение соответствующих изменений самого режима, постольку «“изменение закона”, выдвинутое Ли Хунчжаном, Дин Жичаном и другими, как раз и содержит слабую идею «изменения режима» [5, 68]. Но «изменение закона» неразрывно связано с понятием «изменение режима» или – что, в общем, одно и то же – «изменение системы». Последнее же предполагает необходимость реформы, причем не просто преобразований в какой-то конкретной сфере, а достаточно радикальной **политической реформы**.

В такой трактовке автора Ли Хунчжан предстает уже не просто как наиболее предприимчивый и прагматичный государственный деятель в ряду дворцовой бюрократии, а как

политик-реформатор. «...Лишь в докладных записках Ли Хунчжана официально выдвигается представление об “изменении закона” (т.е. политической реформы – *М.Г.*), и его кругозор не только далеко возвысился над косными бюрократами, но также является ...наиболее передовым, наиболее радикальным» [5, 68]. Но это, разумеется, субъективная точка зрения автора, основанная, вероятно, больше на личном восприятии фигуры этого, безусловно, выдающегося государственного деятеля Китая.

Политика «самоусиления», как известно, потерпела поражение, и результатом поражения стало дальнейшее ослабление централизованного государства, усиление позиций иностранных держав. В попытках законсервировать в неизменном виде общественные отношения без серьезных структурных изменений роль Ли Хунчжана и его сторонников свелась, в конечном счете, к позиции бесстрастных наблюдателей и поискам оптимальных форм и методов для усиления своего личного военно-политического влияния и материального благополучия.

Все же существенно изменилось и отношение цинской верхушки к «варварскому» Западу. Традиционная ксенофобия и китаецентризм уступали место более реалистическим формам сознания и обновленному пониманию патриотизма как стремления к «возрождению Китая» через его модернизацию. Проникновение же в Китай западных общественно-политических идей, пример «возрождения» Японии в результате реформ Мэйдзи, а также влияние буржуазной реэмиграции привели к сложному синтезу традиционного китаецентризма и конфуцианской учености с элементами нового, буржуазного мировоззрения

Таким образом, можно говорить о том, что элементы синтеза традиций и новаций в политическом менталитете Китая стали складываться в недрах традиционной системы Китая, начиная с 40-х гг. XIX в. Причем данный процесс продолжается, так или иначе, вплоть до сегодняшнего дня. Не случайно видный американский политолог С. Хантингтон так оценивал идейно-теоретическую основу успеха реформ в КНР: «...Руководство (Китая – *М. Г.*)... выбрало новую версию *Ti-Yong* (*ziyong*//т.е.собственного – *М. Г.*) капитализма и вовлечения в мировую экономику, с одной стороны, объединенную с политическим авторитаризмом и с возвращением к традиционной китайской культуре, с другой. ... В самом Китае непосредственно в начале 1990-х развивалось популярное желание возвратиться к тому, что является подлинно китайским, которое часто является патриархальным, нативным (т.е. врожденным – *М. Г.*) и авторитарным. Демократия, в этом историческом возрождении, дискредитирована, как был дискредитирован ленинизм как просто другое иностранное наложение» [6, 105-106]. С приведенной точкой зрения относительно возрождения в Китае национальных ценностей перекликается, кстати, суждение Ч. Фицджеральда, который, исходя из устойчивости политических традиций в Китае, также считает, что в настоящее время «... национальные тенденции начинают преобладать в китайском коммунизме и одновременно вытеснять идеи русского коммунизма» [4, 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюгер, Р. Полная история Поднебесной / Р. Крюгер; пер. с англ. Д. Воронина, Ю. Гольдберга. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 448 с.
2. Непомнин, О. Е. Экономическая история Китая (1864 – 1894 гг.) / О. Е. Непомнин. – М. : Наука, 1974. – 302 с.
3. Новая история Китая. – М. : Наука, 1972. – 636 с.
4. Фицджеральд, Ч. П. История Китая / Ч. П. Фицджеральд ; пер. с англ. Л. А. Калашниковой. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 460 с.
5. Чжан Минцзю. Лунь Ли Хунчжан ды бяньфа сысян / Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы / Минцзю Чжан // Лиши янцзю. – 1989. – № 6. – С. 65-78.
6. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / Huntington Samuel P. – New York: Simon & Schuster, Rockefeller Center 1996. – 367 p.